

Депутат Верховного Совета

Это было двадцать шесть лет тому назад в деревне Чикоревке, Тамбовской области.

В воздухе чувствовалось дыхание степной весны. По сторонам дорог, за деревней, еще лежал глубокий снег, а сами дороги уже чернели, и проталин становилось все больше и больше. Около серебристых тополей обнажилась сухая прошлогодняя трава, и кое-где в ее порывшихся стеблях, обломанных ветром, поднималась свежая зелень.

По дороге шла молодая, белокурая девушка. Она слышала, как все яснее кричали пролетающие в отдалении дикие гуси, видела, как они медленно скрывались за рощей и садами, как полыхала в небе вечерняя заря, ощущала под ногами хруст лужиц, едва затнувшихся тонкой коркой прозрачного льда, — и все вокруг волновало девушку и приводило в восторг, и будило поновому ее воображение. Впервые и как-то особо она почувствовала обретающее — всю эту весеннюю, праздничную и шумную жизнь.

В прошлом году Валя кончила семилетку и еще не знала, что ей делать дальше, хотя все чаще и чаще задумывалась о своем будущем. Переезд в большой город, о чем она мечтала, не состоялся. И Валя решила поступить на работу в сельскую школу.

Теперь, когда уже прошла первая педагогическая зима, — долгая, напряженная, наполненная трудом, — Валя стала вести уроки увереннее, в ней укрепилось знание предметов и чувство учительского долга, упрочилась любовь к делу. Но она упорно мечтала о высшем образовании, и хотя очень тяжело было в деревне доставать нужные и интересные для нее книги, — она добывала их, выписывая из Москвы, много чита-

ла и этим наполняла краткие часы своего досуга.

И вот, возвращаясь домой после занятий в школе, прижимая к груди потрепанные тетради учеников, Валя перепрыгивала через хрупкий обманчивый ледок и слушала, как гудят от ветра телеграфные провода, как бы напевая какую-то давно известную песню. Девушка думала о том, что в мире все хорошо — и наступающая весенняя благодать, это обновление природы и человека, и первые радости труда, и забота о счастливом завтра и даже самое наступление сумерек, когда тихо-тихо догорает заря. Больше всего, кроме детей и школы, Валя любила песню, творчество, искусство. Она часто пела русские песни и в семье говорили: «Наша Валя обязательно будет певицей». И, действительно, можно было на это надеяться. У девушки обнаружился еще в детстве голос очень красивого тембра. Пела Валя нередко задумчиво. Ее пение и внушало родным и друзьям мысль, что талант ее разовьется.

Три года проработала девушка в начальной школе. И опять пришла весна — молодая, дружная. Дни прибывали, снег растаял вовсе, большое солнце становилось все жарче, припекая жирный степной чернозем, и когда девушка входила в класс, все сильнее взметывался вверх шумный взрыв ребячьих голосов — крик приветствия учительнице:

— Здравствуйте, Валентина Васильевна!

И Валентина Васильевна, плотно закрывая двери аккуратно вымытого и залитого солнцем класса и приказывая ребятам вынуть тетради, знала, что вот пройдет некоторое время, и она не увидит больше своих милых школьников — эти ви-

храстые головы мальчишек и косички девочек.

Вот и последние дни занятий прошли. Окончен учебный год. И в классах — пусто, уже сдвинуты плотно друг к другу, изрезанные перочинными ножами проказников парты, — и надо в последний раз перелистать географический атлас с замасленной чернилами Австралией, попрощаться со шкафом, где стоят школьные книги, пожать руки товарищам-педагогам, сторожике Насте, чей порывистый звонок призвал к началу урока.

Сегодня Валентина Васильевна бродила одна по степи, прощаясь с любимыми местами: сердце ее трепетало, как птица. Она едет в Москву. Что ожидало ее там? Она и сама не знала.

Путь, подсказанный ей близкими, казался единственной дорогой в жизнь. И эта, другая жизнь начнется завтра или послезавтра, с того момента, как она сядет в купе и, подождав на верхнюю полку багаж, услышит, как подадутся назад вагоны, когда прицепят паровоз.

В Москву Валентина Васильевна приехала рано утром. И, уезжая на трамвае к центру, она думала лишь о том, как бы поскорее добраться до Большого театра.

Солнце поднималось высоко над столицей, мимо мчались знакомые только по книгам улицы, сияли толстые зеркальные двери магазинов и обширные стекла витрин были испещрены разнообразными надписями, быстрые и веселые москвичи шли в свои учреждения и конторы, — вот уже остались позади Земляной вал, Покровка, Красные ворота, Мясницкая, Лубянка, вот уже промелькнула строгая фигура Ивана

Первопечатника, и из-за стены зданий, примыкающих к университету, показался Большой театр, обрамленный молодой зеленой подстриженных скверов. На дорожках сквера, посыпанных песком, прыгали дотопные воробьи; метельщик, опрятно одетый, пожилой человек, сверкая начищенной до блеска бляхой на белом фартуке, размеренно махал своей метелкой, наводя чистоту. А на самом верш, над монументальной колоннадой Большого театра мчались куда-то сильные кони. И Валентина Васильевна вышла из трамвая и, не торопясь, побрела по песчаным дорожкам, любуясь пейзажем, только что открывшимся для нее в этом солнечном мире — светочем культуры — театром Собинова и Неждановой.

...Москва, Москва! Как много в этом звуке для сердца русского слылось! Валентина Васильевна глубоко поняла всю силу драгоценного этого звука. Начались годы учебы, годы творческого формирования молодой вокалистки. Вот окончен в 1928 году курс Московского музыкального техникума. Вот пройдены этапы трехлетних напряженных и увлекательных занятий в Московском институте театрального искусства. Вокальная группа МХАТ... Великие мастера русской сцены — Е. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, В. И. Качалов... А затем — театры Свердловска, Молодова, Горького. Кружные оперные сцены.

Ей было совсем нестрашно за себя, когда в суровую, позднюю, холодную осень 1941 года — она выехала на строительство оборонительного рубежа и давала многочисленные концерты для защитников Москвы. Враг подходил к столице и хвастливо, нагло, крикливо угрожал советскому народу.

Брезжили рассветы. Свирельство-

вали ветры. По небу неслись черные лохмотья облаков. Хмурые, неприветливые дни стояли в Подмоскovie. А Валентина Васильевна со своими товарищами-актерами из дня в день ходила между землянками, беседовала с бойцами под злобный рокот моторов фашистских стервятников, и настойчиво убеждала себя и других в том, что из перекопанной земли возникнут крепкие сооружения, что враг не пройдет. Мучаясь, дорожа каждой минутой, она спешила из одного подразделения в другое. Она пела, пела вдохновенно. Она писала под диктовку солдатские письма — то прощенные, с десятками поклонов, то краткие, простодушные. Она все ближе и ближе узнавала характер бойца. Ухаживала за больными. И находила в себе силы, чтобы не уставать.

Шли военные годы. В Горьком развертывалась госпитальная работа. В городских больницах и бывших школах размещались все новые партии раненых. И Валентина Васильевна, проникаясь уважением к труду врачей и сестер, ходила на дежурства в госпитали. Обтирая ноги сырой тряпкой в вестибюле, она мягко и ласково здоровалась с няней-сиделкой и, стараясь попасть поудобнее в рукава, тщательно одевала белый халат. Она читала выходящим в госпиталь Гоголя, рассказывала им об искусстве, давала советы в трудных случаях семейных неурядиц. Ее теплое слово было приятно больному. Тяжелый запах ран ее не отпугивал. А запах лекарств стал привычным. И большим праздником — и для белокурой актрисы, одетой в черное концертное платье, и для слушателей, которые трепетно воспринимали ее пение, — становились дни воскресных концертов, дни, когда собирались в лазаретах лучшие артистические силы города. Легко раненые шли тогда по коридорам в зал клу-

ба. Раненые, лежавшие на койках, безмолвно смотрели на своих друзей с какой-то смутной надеждой, — и все понимали ценность заботы советского актера. Валентина Васильевна устраивала для них, ставших родными, — скромные подарки. Вдруг появлялись в палатах кисеты с табакеркой, папиросы, одеколон, зубные щетки и духовое мыло. А после того, как бесстрашные руки врачей-хирургов облегчали физические страдания — русская песня или пропикновенная ария из классической оперы, тонко спетые Валентиной Васильевой, — становились балзамом для души солдат.

А в итоге — неясный восторг, чувство гордости за фронтовиков и необыкновенная жажда сделать еще что-нибудь хорошее, значительное.

Летом 1944 года по Российской Федерации проходил смотр русской народной песни. Валентина Васильевна была активной участницей этого смотра. Она тщательно, памятуя указания своих первых музыкальных и сценических учителей — А. М. Пазовского и В. А. Досекого — готовила программу из самобитных, русских песен.

Она была вызвана в Москву.

Уже давно исчезли трудности первого периода войны: Красная Армия блестяще вела свое победоносное наступление. Советский народ предчувствовал всю действительность небывалой в истории победы.

И вместе с народом, день за днем, шаг за шагом, Валентина Васильевна Викторова сызнова проверяла себя, приглядываясь к своей работе, к своему душевному миру.

Однажды, после трудной репетиции, она шла мимо Большого театра. Над «Метрополем» и музеем Ленина в чистом, голубом небе тянулись снежно-белые облака. В воздухе спокойно носились легкие пушинки — предвестники зноя. Листья деревьев лениво и тихо покачивались перед глазами. Казалось, что

все утопает в густой и теплой зелени, и только автомобильные гудки тревожили слух. Валентина Васильевна вспоминала первый приезд в Москву, памятное утро, и с особой силой ощутила пережитое. Опять она видела знакомую степь, и мелькавшие сквозь ветви душистых тополей разноцветные рубашечки школьников, и розовые платицы девочек на фоне зеленой поросли роскошного ковыля.

И видела она себя, — юную, в белом, без рукавов, платье, которое носила в деревне, возвращавшуюся с поля после работы домой. И многое пришлось бы вспомнить ей, если бы только знать, что можно свободно тратить на это время и безмятежно предаваться воспоминаниям. Но ведь только полдня остается до выступления в сегодняшнем заключительном концерте смотра, и вот здесь, в этом самом здании с колесницей могучих коней над фронтоном, будет она петь — на огромной сцене Большого театра.

И в цепь ясно сознаваемых ощущений вылетается мысль о завоеванном счастье, которое сбывается именно в Москве, неподалеку от Кремля, где живет великий человек, любимый и мудрый друг советского искусства — Сталин. И опыт прожитых годов войны, внушает ей уверенность и чувство зрелой силы...

Держа в руке пропуск на концерт, Валентина Васильевна невольно подумала, что в этом кусочке картона воплощается не только прошлая ее работа, — творчество, искания, успехи, но, главным образом, будущий труд, к чему призывают Родина, народ.

В феврале 1947 года солистка горьковской оперы В. В. Викторова была избрана депутатом Верховного Совета Российской Федерации от Ждановского избирательного округа нашего города.

Н. БАРСУКОВ.

ГОРЬКОВСКАЯ ПОМАНА

7 MAR 47